

Труд-1989 - Чавр.

Возвращаясь к напечатанному

Самоубийство или?..

Интервью с профессором Ф. Мороховым, напечатанное в нашей газете 30 апреля, вызвало поток читательских писем с диаметрально противоположными мнениями. Такой результат публикации был ожидаем: слишком сложна и щепетильна тема разговора: по своей воле или насильственно окончил жизнь великий русский поэт Сергей Есенин!

Слишком уж рано оборвалась его жизнь, а о том, что Сергей Есенин был в расцвете сил, говорит и его последнее блестящее стихотворение: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Это стихотворение часто упоминают читатели в письмах. Одни из них (например, П. Никитин из Комсомольска Донецкой области) видят в нем прямой «указ» на готовящееся самоубийство. Другой читатель (А. Карпов из Сыктывкара) не столь однозначен и задается вопросом: как совместить это стихотворение и версию о возможном убийстве? Н. Крамар из Чимкентской области делится сведениями из биографии поэта, изданной в 30-е годы. Там утверждается, что С. Есенин повесился на чердаке «Англетера», причем предсмертное стихотворение было написано кровью на стене...

Видимо, это один из примеров искажения фактов. Судя по воспоминаниям Е. Устиновой и В. Эрлиха, которому адресовалось это стихотворение, дело было по-другому. Стихотворение действительно было написано утром 27 декабря кровью из вены. «Сергей Александрович стал жаловаться, что в этой «паршивой» гостинице даже чернил нет и ему пришлось писать сегодня утром кровью. Пришел поэт Эрлих. Сергей Александрович подошел к столу, вырвал из блокнота написанное утром кровью стихотворение и сунул Эрлиху во внутренний карман пиджака», — так написано в воспоминаниях Е. Устиновой.

Об этом же говорится и у Эрлиха, более того: «Часам к восьми и я поднялся уходить. Простились. С Невского я вернулся вторично: забыл портфель... Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу, и просматривал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично».

Судя по этим рассказам, поэт был спокоен и не намеревался через несколько часов уйти из жизни. Но кто сегодня решится утверждать это точно?

В статье «Сергей Есенин: самоубийство или?..» все очень убедительно, пишут П. Кузьмин, В. Гришков и другие. Многие читатели благодарят Ф. Морохова и С. Демиденко за поиски доказательств насильственной смерти поэта. Но авторы этих глубоко эмоциональных писем — не медицинские эксперты и поэтому не могут доказательно поддержать или опровергнуть ход мыслей профессора Ф. Морохова по поводу версии убийства. Гораздо большая степень реализма в откликах профессиональных судебно-медицинских экспертов.

В обстоятельном письме сотрудников бюро судебно-медицинской экспертизы из Ленинграда В. Андреева, В. Беликова и других подвергнута критике трактовка Ф. Мороховым данных из акта экспертизы трупа Есенина. Они считают ее совершенно ошибочной. В частности, один из сильных, на мой — дилетанта — взгляд, аргумент Федора Александровича о незамкнутом следе от ремня на шее С. Есенина судебные эксперты из названных городов единодушно отвергают. «Страгуляционные борозды на коже шеи вполне соответствуют данным о повешении», — говорится в письме врача-судмедэксперта I категории А. Грабовского из Владивостока.

Вызывает возражения у медэксперта из Кировограда Д. Донского и других его коллег предположение Ф. А. Морохова о

сильно поврежденном черепе. «Кровоизлияния под легочной плеврой» — типичный признак быстро наступившей, в том числе асфиктической, смерти, и трактовать их как «крепко избит» просто невозможно», — говорится в письме из Ленинграда.

Перечень претензий к медицинской трактовке Ф. Мороховым акта экспертизы можно продолжить. Но судмедэксперты же пишут: «Чтобы быть правильно понятыми, разъясняем, что мы ни в коей мере не оспариваем категории смерти С. А. Есенина (убийство или самоубийство). Разрешение этого вопроса входит только в компетенцию сотрудников правоохранительных органов, производящих следствие или дознание».

Федор Александрович Морохов внимательно ознакомился с пришедшими в «Труд» письмами.

— Прежде всего хочу поблагодарить всех, кто откликнулся на наши размышления о причинах смерти Сергея Есенина. Я еще раз убедился, как важно людям узнать правду от трагедии великого поэта.

Безусловно, я не претендую на истину в последней инстанции, выдвигая версию убийства Есенина, хотя по-прежнему уверен в ней. В письмах от судмедэкспертов содержится множество оценочных суждений о моих выводах, но не приводится, к сожалению, убедительных контрдоводов. Я излагал в интервью свои мысли не медицинскими терминами, а обычным языком. Думаю, это и позволило судмедэкспертам обвинить меня в некомпетентности. Но я готов защищать свою точку зрения и в очном споре, и в других, специальных изданиях. Кстати, собираюсь написать о смерти Есенина большую работу. Тем более, что сейчас располагаю дополнительными материалами. Удалось, в частности, разыскать копию посмертной маски поэта. Она дает представление о тяжести травмы на его лбу. Ясно видно, как сильно повреждение лобной кости, и его никак не объяснишь вдавливанием от трубы отопления. Очень сильно поврежден и левый глаз. У меня есть и несколько фотографий Есенина в разных ракурсах, на них тоже достаточно хорошо видны сильные повреждения лица.

В откликах на интервью с профессором приходится встречать упрек: почему не проверили его доводы предварительно у судебно-медицинских экспертов и юристов? (Ю. Морозов из Советской Гавани). Позволю себе не согласиться: на мой взгляд, доктор медицинских наук, патофизиолог, обладает достаточными знаниями в медицине. И кроме того: почему не дать слово человеку, который не просто имеет свою точку зрения, но с мужеством отстаивает ее, выдвигая ряд аргументов? И почему, собственно, не может существовать несколько точек зрения в такой вот, не вполне однозначной ситуации?

И все же отрадно констатировать не просто интерес читателей к поднятому вопросу, а стремление включиться в анализ ситуации. Правда, боюсь, здесь нам самим не разобраться. Надо собрать все факты, поднять архивные документы, изучить подлинник акта судебно-медицинской экспертизы и т. д. Но пока, кроме Ф. Морохова и других энтузиастов, желающих этим заняться профессионально, не находится. Поэтому тема трагедии в «Англетере» остается открытой...

Е. ДРУЖИНИНА.